

Когда неизвестное становится известным:

текстология, биография, критика

(Обзор книг, изданных по конкурсу РФФИ «Источники и методы в изучении наследия Ф. М. Достоевского в русской и мировой культуре»)

О. Ю. Юрьева

Иркутский государственный университет

(г. Иркутск, Российская Федерация)

e-mail: yuolyu@yandex.ru

Аннотация. В обзоре проанализированы пять из тридцати книг, изданных по конкурсу Российского фонда фундаментальных исследований «Источники и методы в изучении наследия Ф. М. Достоевского в русской и мировой культуре»: Викторович В. А., Захарова О. В. «Ф. М. Достоевский в русской критике. 1845–1881», «Даровое Достоевского. Материалы и исследования» (под ред. А. С. Бессоновой), «Неизвестные и малоизвестные источники биографии Ф. М. Достоевского в собрании Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля: коллективная монография» (П. Е. Фокин, А. В. Петрова, Е. М. Варенцова и др.), «Новые архивные и печатные источники научной биографии Ф. М. Достоевского: коллективная монография» (под. ред. Б. Н. Тихомирова), «Рукописное наследие Ф. М. Достоевского» (под ред. И. С. Андриановой). В обзоре представлены основные темы и проблемы, затронутые исследователями, указывается, какие новые архивные документы и источники привлечены исследователями, какое значение имеют предпринятые авторами исследования для изучения биографии и творчества Ф. М. Достоевского и создания его новой научной биографии.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, архивные и печатные источники, научная биография, рукописное наследие, текстология, биография, критика

Для цитирования: Юрьева О. Ю. Когда неизвестное становится известным: текстология, биография, критика (Обзор книг, изданных по конкурсу РФФИ «Источники и методы в изучении наследия Ф. М. Достоевского в русской и мировой культуре») // Неизвестный Достоевский. 2022. Т. 9. № 1. С. 124–155. DOI: 10.15393/j10.art.2022.5981

Original article

DOI: 10.15393/j10.art.2022.5981

**When the Unknown Becomes Known:
Textual Criticism, Biography, Criticism
(Review of Books Published by the RFBR Competition
“Sources and Methods in the Study of the Legacy of F. M. Dostoevsky
in Russian and World Culture”)**

Ol'ga Yu. Yurieva

*Irkutsk State University
(Irkutsk, Russian Federation)*

e-mail: yuolyu@yandex.ru

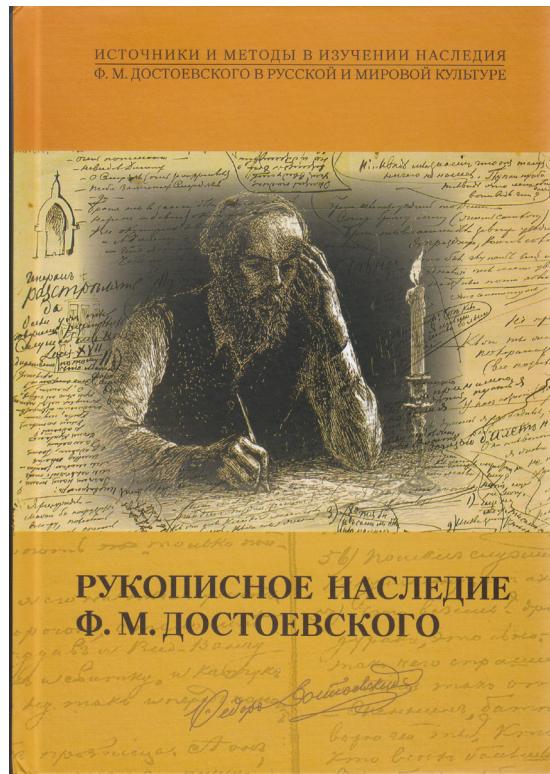
Abstract. Russian Academy of Sciences presents a number of books published by the Russian Foundation for Basic Research competition “Sources and Methods in the Study of the Legacy of F. M. Dostoevsky in Russian and World Culture.” They are Viktorovich V. A., Zakharova O. V. “F. M. Dostoevsky in Russian Criticism. 1845–1881”; “Dostoevsky’s Darovoe. Materials and Research” (edited by A. S. Bessonova); “Unknown and Little-Known Sources of the Biography of F. M. Dostoevsky in the Collection of the State Museum of the History of Russian Literature Named After V. I. Dahl: A Collective Monograph” (P. E. Fokin, A. V. Petrova, E. M. Varentsova and others); “New Archival and Printed Sources of the Scientific Biography of F. M. Dostoevsky. Collective Monograph” (edited by B. N. Tikhomirov); and “The Handwritten Legacy of F. M. Dostoevsky” (edited by I. S. Andrianova). The review presents the main topics and problems raised by the researchers, indicates the new archival documents and sources used by the researchers, the significance of the research undertaken by the authors for studying the biography and creative work of F. M. Dostoevsky and creating his new scientific biography.

Keywords: F. M. Dostoevsky, archival and printed sources, scientific biography, manuscript heritage, textual criticism, biography, criticism

For citation: Yurieva O. Yu. When the Unknown Becomes Known: Textology, Biography, Criticism (Review of Books Published by the RFBR Competition “Sources and Methods in the Study of the Legacy of F. M. Dostoevsky in Russian and World Culture”). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2022, vol. 9, no. 1, pp. 124–155. DOI: 10.15393/j10.art.2022.5981 (In Russ.)

К 200-летнему юбилею Ф. М. Достоевского по конкурсу РФФИ «Источники и методы в изучении наследия Ф. М. Достоевского в русской и мировой культуре» было издано более 30 книг. Можно смело сказать, что это беспрецедентный случай в литературоведческой науке, я бы даже сказала, такой своеобразный коллективный научный подвиг, свидетельствующий и об огромном потенциале достоевистики, и о том пietetете перед именем великого русского классика, дань памяти, любовь к которому и признательность вылились в такие уникальные коллективные монографии. В круг проблематики этих книг вошли все вопросы актуальных изысканий в достоевистике: архивных, биографических, поэтических, текстологических. Это целая библиотека новейших исследований, в которых отражены научные открытия, находки, прорывы, новые гипотезы и проникновения в тайны творчества гения. Рассмотрим некоторые из них.

Издание «Рукописное наследие Ф. М. Достоевского» (под ред. И. С. Андриановой) [Рукописное наследие] представляет собою новое систематизированное описание всех известных на сегодняшний день автографов Ф. М. Достоевского, а также копий и стенограмм его художественных и публицистических текстов, сделанных рукой жены писателя А. Г. Достоевской.

Илл. 1. «Рукописное наследие Ф. М. Достоевского». СПб., 2021

Fig. 1. "The Handwritten Legacy of F. M. Dostoevsky". St. Petersburg, 2021

Во вступительной статье И. С. Андриановой прослеживается краткая история и подчас драматическая судьба рукописей Достоевского — от счастливого спасения до трагической утраты и уничтожения. Как справедливо указывается, необходимость полного научного описания автографов Достоевского — документов первоочередной достоверности — назрела еще в советское время. Проблема сохранения рукописного наследия Достоевского состоит также в том, что рукописи и документы Достоевского разбросаны по всему миру, однако объединение их в один архив, как это ни парадоксально, проблему не решит. Процесс описания архивных документов — невероятно сложная и кропотливая работа, которая требует определенных знаний, навыков и т. д. Существовавшее ранее «Описание рукописей

Ф. М. Достоевского» (под ред. В. С. Нечаевой), вышедшее в 1957 г. [Описание рукописей], как верно отмечено, требует обновления и коррекции, так как уже неактуален, а для исследователей неудобен тематический принцип описания некоторых записей писателя: «...часть автографов Достоевского (пусть и небольшая) осталась вне поля зрения его составителей; автографы некоторых писем они не нашли и фиксировали их по первым публикациям или исключали из описания совсем; часть документов была им неизвестна и выявлена после 1950-х гг.; за время, прошедшее после выхода *Описания*, были установлены или уточнены датировки ряда писем и атрибуции» [Андреанова: 18].

Настоящее издание призвано решить задачу «систематизации всех основных актуальных данных об автографах Достоевского (их хранении, составе, содержании, первых публикациях)» [Андреанова: 20]. Несмотря на разнотематические записи, рукопись Достоевского берется «как отдельная архивная единица, единый документ в авторской последовательности» [Андреанова: 20]. Как полагают исследователи, «такой принцип описания облегчает исследовательский поиск и позволяет не потерять из виду существенные части рукописи» [Андреанова: 22].

Архивные материалы в книге разбиты на 10 разделов: «Записные книжки и тетради», «Рукописи произведений», «Записи в альбомах», «Записи на отдельных листах», «Записи, связанные с редакторской и издательской деятельностью», «Письма», «Официальные документы и деловые бумаги», «Записи и пометы на книгах и письмах», «Дарственные надписи на книгах и фотографиях», «Шуточные стихи в записях А. Г. Достоевской».

Огромную важность и значимость представляемого труда трудно переоценить. Например, в первом разделе содержится описание «Записных книжек и тетрадей» Достоевского, представляющих собой «политематические материалы, позволяющие не только проникнуть в творческую лабораторию писателя: понять, как зарождались замыслы художественных произведений, как наполнялись они содержанием и приобретали форму, — но и узнать, какие бытовые вопросы заботили его в то время. Записные книжки и тетради содержат подготовительные материалы к ключевым произведениям писателя (романам «Преступление и Наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток»)» [Андреанова: 23].

Описание каждой записной книжки и тетради сопровождается скрупулезно составленным научным аппаратом, включающим указание на архивохранилище и шифр, общее описание документа (тематика, датировка, содержание, публикации частичные, полные или с исправлениями). Новая расшифровка, а также «анализ биографических данных и учет историко-литературного контекста» позволили исследователям «обосновать более точные датировки и последовательность заполнения книжек и тетрадей» [Андреанова: 24].

Большой интерес представляют для исследователей биографии и творчества писателя представленные в разделе записи о неосуществленных замыслах, черновики писем, различные записи, относящиеся к редакторской и издательской деятельности Достоевского, деловые и хозяйственные заметки и записи.

Составители нового описания рукописей отказались от некоторых разделов «Описания...» 1957 г. Рукописи Достоевского описываются в четырех разделах: «Рукописи произведений», «Записи в альбомах», «Записи на отдельных листах», «Записи, связанные с редакторской и издательской деятельностью», а также в специальном разделе «Шуточные стихи в записях А. Г. Достоевской».

В настоящее описание рукописей Достоевского включено более 90 не учтенных в «Описании...» 1957 г. эпистолярных автографов, в которых исправлены приблизительные или ошибочные датировки и атрибуция.

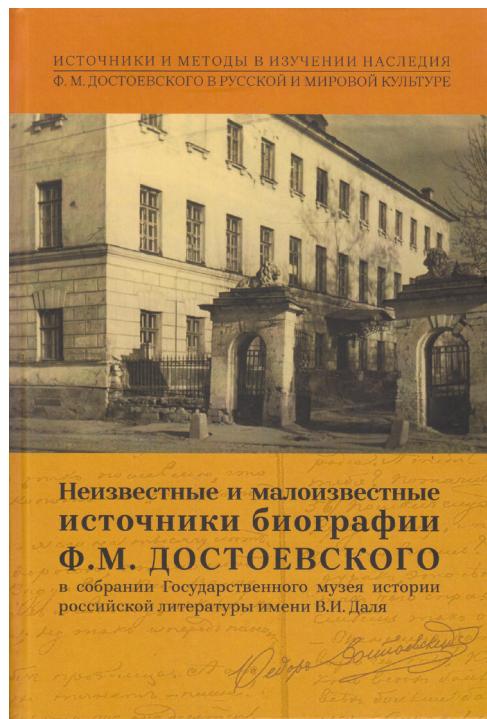
В исследовании отражена история бытования рукописей, указаны действительные места хранения. Описаны «Официальные документы и деловые бумаги» (Раздел VII). Очень интересен и значим Раздел VIII, в котором зафиксированы пометы Достоевского на книгах и письмах его корреспондентов, а также на официальных документах.

Составителями учтены пометы на 109 письмах и конвертах корреспондентов Достоевского. Большинство помет сделано Достоевским на письмах (и конвертах) от читателей «Дневника Писателя»: это говорит о том, что, несмотря на нехватку времени и болезнь, писатель старался ответить на самые важные и острые вопросы.

В Разделе IX описаны «Дарственные надписи на книгах и фотографиях». В заключительном X разделе настоящего издания расшифрованы и описаны «Шуточные стихи в записях А. Г. Достоевской», которых в «Описании...» 1957 г. не было, так как в то время они еще не были известны.

Авторы этого фундаментального труда (М. В. Заваркина: разделы I, II, III, IV, V, X, Т. В. Панюкова: разделы I, VI, VIII, И. С. Андрианова: разделы II, VI, VIII, Е. Н. Вяль: раздел II, О. А. Сосновская: раздел VI, Л. В. Алексеева: разделы VI, VIII, Б. Н. Тихомиров: разделы VII и IX) проделали поистине неоценимую работу, систематизировав и дополнив известные и введя в научный оборот неучтенные ранее документы рукописного наследия Достоевского. И вполне оправданы надежды редактора издания И. С. Андриановой, что книга поможет «по достоинству оценить значение собирательской и архивной деятельности А. Г. Достоевской, а также станет для исследователей путеводителем по фондам писателя, увлечет их архивными поисками и тем самым явится стимулом для дальнейшего развития науки о Достоевском» [Андранинова: 32].

Особое внимание привлекает и коллективная монография «**Неизвестные и малоизвестные источники биографии Ф. М. Достоевского в собрании Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля**» (П. Е. Фокин, А. В. Петрова, Е. М. Варенцова и др.) [Неизвестные и малоизвестные источники]. Как указал в предисловии руководитель проекта П. Е. Фокин, исследование направлено «на выявление и интерпретацию тех данных, которые по каким-либо причинам или оказались вне поля зрения исследователей, или же были востребованы частично, так сказать, факультативно» [Неизвестные и малоизвестные источники: 17].

Илл. 2. «Неизвестные и малоизвестные источники биографии Ф. М. Достоевского в собрании Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля». СПб., 2021

Fig. 2. “Unknown and Little-Known Sources of the Biography of F. M. Dostoevsky in the Collection of the State Museum of the History of Russian Literature Named After V. I. Dahl”. St. Petersburg, 2021

В книге переосмысляется само понятие *факт биографии*: «...под *фактом биографии* следует понимать не отдельно взятое событие жизни человека, а некую *картину жизни*, в рамках которой совершается это событие. В эту картину жизни входят как вполне очевидные *элементы* события, а именно — место действия, время, обстоятельства, социальные партнеры, так и менее

явные (но не менее значимые, а порой — решающие) их *ракурсы*, как то: расположение в пространстве, синхронизация, активность и интенсивность взаимодействия, физическое и психическое состояние человека, его система ценностей, уровень осведомленности и т. п. В таком понимании факт биографии не может быть только абстрактной констатацией произошедшего, но всегда должен заключать в себе аналитическое восхождение к конкретике его проявления. Только в таком случае набор поступков и действий человека становится фактом его биографии, которая, в свою очередь, является не линейной фиксацией событий в порядке их хронологической последовательности, а *романом*, раскрывающим уроки судьбы» [Неизвестные и малоизвестные источники: 17–18].

В книге представлены биографические материалы, относящиеся к разным периодам жизни Достоевского, и в основной массе они не меняют общего представления о биографии писателя. Но «в каждом содержится информация, позволяющая дополнить известные факты биографии новыми элементами событий, уточнить их *ракурс*» [Неизвестные и малоизвестные источники: 18].

Книга состоит из трех частей. «В первой представлены материалы, хранящиеся в отделе рукописных фондов ГМИРЛИ и имеющие непосредственное отношение к жизни Достоевского» [Неизвестные и малоизвестные источники: 18]. Сюда относятся: текстовые материалы (письма, записки и заметки, тетради из собрания А. Г. Достоевской); визуальные материалы (официальные документы Достоевского, описывающие его отношения с государством и общественными организациями, документы, принадлежавшие родственному окружению писателя, печатная продукция театров, связанная с постановками конца XIX — начала XX в. произведений Достоевского на российской и зарубежной сценах). По записям обыскных книг церкви Сошествия Святого Духа на апостолов села Моногарова приводятся собранные сведения о Достоевских в Даровом; скрупулезно анализируются, комментируются и восстанавливаются неизвестные детали воспоминаний А. Е. Ризенкампфа о молодом Достоевском. Представлена последняя газета, прочитанная Ф. М. Достоевским, что позволило добавить «дополнительные штрихи к картине интеллектуальной жизни Достоевского его последних земных дней» [Неизвестные и малоизвестные источники: 85]; собранные в книге телеграммы разных лиц к А. Г. Достоевской с соболезнованиями в связи со смертью Ф. М. Достоевского сопровождаются комментариями об их авторах и включаются в широкий контекст скорби о кончине великого писателя; в приложении как материалы к творческой биографии Ф. М. Достоевского опубликованы вырезки из газеты «Санкт-Петербургские Ведомости» за 1865 г.

Во второй части описываются забытые и пропущенные фрагменты воспоминаний о Ф. М. Достоевском в собрании газетных вырезок А. Г. Достоевской, выявлено несколько неучтенных и пропущенных публикаторами

заметок, представляющих интерес для биографов Достоевского, а в комментариях к заметкам восстанавливаются интереснейшие подробности о жизни писателя, о круге его общения, обнаруживаются адреса, связанные с именем Достоевского. Авторы исследуют особенности восприятия романов Ф. М. Достоевского газетными критиками конца 1860–1870-х гг., замечая, что, чем самобытнее текст, тем большее непонимание он вызывал со стороны рецензентов. Понимал это и сам Достоевский и поэтому не ждал одобрения от критики, а «противоречивые и сильные впечатления от романов Достоевского порой были причиной не вполне положительных отзывов газетных рецензентов» [Неизвестные и малоизвестные источники: 162].

В книге характеризуются особенности критических подходов того времени, определяются основные критерии оценки произведений критиками. Благодаря авторам книги, представившим собрание газетных вырезок Анны Григорьевны Достоевской, мы можем ознакомиться с откликами газетной периодики 1873–1874 гг. на «Дневник Писателя» 1873 г. Особенность откликов во многом определялась тем, что Достоевским сразу был взят курс на полную свободу в выборе тем и форматов разговора с читателем в «Дневнике Писателя». Достоевский «воплощал собой иной подход к журналистике» [Неизвестные и малоизвестные источники: 172]. А. В. Петрова показывает широкий спектр оценочных откликов, в которых критики то характеризовали выпуски «Дневника Писателя» как «нервически-вызывательные» [Неизвестные и малоизвестные источники: 168], то иронизировали над рассказанными писателем историями, то демонстрировали высокую степень непонимания Достоевского, нежелания услышать его тревогу и грусть от происходящего, то допускали резкие, сатирические выпады в адрес автора «Дневников», то расценивали «Маленькие картинки» как этически недопустимый в печати текст, то искали, придавали «обратный» смысл пересказываемым главам «Дневника». А. В. Петрова представляет картину конкурентной борьбы и полемики между изданиями, показывает тенденции развития прессы 1870-х гг., влияние на нее социально-экономических процессов и определенной идеологии.

В разделе книги «“Пушкинская речь” Ф. М. Достоевского как культурное, общественное и информационное событие 1880 года» П. Е. Фокин и А. В. Петрова предлагают захватывающее повествование с увлекательным сюжетом и закрученной, как пружина, интригой и эмоциональным напряжением, которое как будто из девятнадцатого века перекочевало на страницы современной книги и захватило читателя века двадцать первого.

По отзывам на речь Достоевского авторы пытаются ответить на вопрос: «Что вызвало такой бурный восторг, похожий на массовую истерию?» Люди почувствовали потрясение, единение, воодушевление, истинное преображение, но, как показывают авторы, в многочисленных откликах на речь (95 публикаций, посвященных выступлению Достоевского), выявились и все внутренние противоречия в российском обществе, борьба мнений, скрытая

и открытая вражда между общественными и идеологическими группами и между писателями и критиками. Как показывают П. Е. Фокин и А. В. Петрова, «Пушкинская речь» Достоевского *«сама по себе — как общественно-культурное событие и литературно-публицистическое сочинение — стала важнейшим информационным событием* 1880 года. Вне зависимости от того, как приняли слова Достоевского его адепты и оппоненты, они прочно вошли в сознание русской читающей публики как исключительные, вдохновенные, жгущие — *пророческие*. Последовавшая вскоре смерть Достоевского придала им статус *«духовного завещания»* [Неизвестные и малоизвестные источники: 224].

В обзоре истории переводов произведений Достоевского П. Е. Фокин показывает, как Европа знакомилась с русским писателем. В течение двадцати лет, с 1881 и до конца XIX в., было осуществлено более 140 переводов на иностранные языки. «Лидерами оказались немцы — 44 перевода». Переведен был «фактически весь Достоевский, кроме двух-трех небольших рассказов». «Следом за немцами идут французы — 31 перевод. Далее — англичане (10) и итальянцы (8). Довольно активно переводился Достоевский на скандинавские языки: 10 переводов на датский, 9 — на норвежский, 6 — на шведский, 4 — на финский (в сумме — 29 переводов). На венгерский язык переведено 6 произведений, на сербский — 5, столько же на хорватский» [Неизвестные и малоизвестные источники: 227].

Параллельно с переводами появляется на европейских языках и критика — «аналитические статьи об отдельных произведениях, общие обзоры творчества Достоевского, биографические заметки о нем, циклы лекций и монографии» [Неизвестные и малоизвестные источники: 227]. Указывается количество переводов отдельных произведений на разные языки. Приводятся свидетельства об интересе за рубежом к русской литературе, отклики зарубежных критиков на публикацию произведений Достоевского и даже факты недовольства «французских писателей, в частности Золя, конкуренцией, которую составляет им Достоевский и вообще русские писатели» [Неизвестные и малоизвестные источники: 234].

Рассмотрены П. Е. Фокиным и Т. О. Борецким и первые постановки романа Ф. М. Достоевского «Преступление и Наказание» в европейских театрах в оценке русских корреспондентов. Во всех подробностях воссоздается постановка «Преступления и Наказания» в театре «Одеон» в Париже 1888 г., инсценировка «Преступления и Наказания» О. Цабеля и Э. Коппеля 1890 г. в Берлине, в театре «Лессинг Театр».

Не менее интересным видится рассказ о первых постановках романов Ф. М. Достоевского на русской сцене в зеркале прессы (*«Преступление и Наказание»*, *«Идиот»*, *«Братья Карамазовы»*).

В третьей части дается описание материалов, связанных с именем Достоевского, из фонда фотографий ГМИРЛИ. Очень подробные, подчас полемические комментарии к фотографиям вызывают неподдельный интерес,

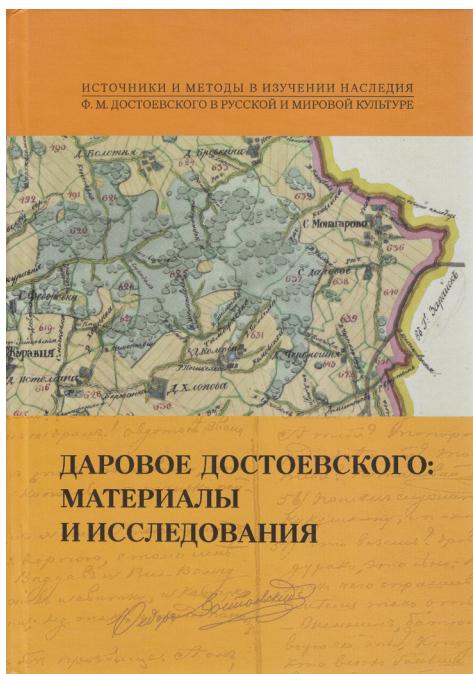
оживляют представления об эпохе, о времени, о перипетиях судьбы великого писателя.

Разыскания авторов органично включаются в общую творческую биографию, помогают выявить очень важные и интересные подробности, касающиеся воззрений, творческих замыслов Достоевского и особенностей их воплощения в его произведениях.

Как верно замечает П. Е. Фокин, «влияние гения, в нашем случае Достоевского, на мировую культуру ставит вопрос не только перед историками культуры, но и перед исследователями его биографии, ибо жизнь гения несомненно продолжается и после его физической кончины. От года к году она прирастает новыми событиями и фактами, порожденными его духовным наследием. Его мысль, его чувство, его взгляд на мир, запечатленные в слове, звуке, визуальном образе или знаке, воздействуют на действительность в гораздо большей степени, чем в дни его земной жизни. Изучение этой формы бытия человеческой личности также входит в компетенцию биографов» [Неизвестные и малоизвестные источники: 18].

В книге публикуются ценные документы, фотографии, многие из которых впервые вводятся в научный оборот.

История усадьбы Даровое представлена в коллективной монографии «Даровое Достоевского: материалы и исследования» (под ред. А. С. Бессоновой) [Даровое Достоевского]. В монографии представлены многочисленные архивные и печатные источники, многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Монография очень важна для создания современной

Илл. 3. «Даровое Достоевского: материалы и исследования».

Коломна, 2021

Fig. 3. “Dostoevsky’s Darovoe. Materials and Research”. Kolomna, 2021

научной биографии Ф. М. Достоевского, так как не только восполняет «темные места», не изученные ранее фрагменты биографии писателя, но и по-новому представляет некоторые полемические моменты.

Воссоздание истории Дарового тем более важно, что сам Достоевский признавал, какое «глубокое и сильное впечатление» оставил в нем это «маленькое и незамечательное место»¹.

В первой главе «Достоевские-помещики. История имения по архивным документам» Т. Н. Дементьева и Л. А. Воронкина воссоздают историю Дарового, уточняют, корректируют сведения об истории усадьбы, пытаются по-новому взглянуть на нее, используя предшествующие исследования и разыскания, публикуют новые архивные документы, старинные планы и атласы, картографические источники.

Дорогое сердцу писателя имение, представленное в окружении знакомых по использованным Достоевским в произведениях названиям сел и деревень, воссоздается авторами во всех подробностях ландшафта, природы, которая буквально «оживает»: так и видишь речушки, овраги, луга, пашни, пустоши, леса и сады. Подобно перипетиям человеческой судьбы, прочитывается история имения. Исследователи уточнили многие данные о размере имения, его действительной стоимости, количестве ревизских душ. Выявили истинные причины тех или иных манипуляций с имением: продаж, залогов, деления и т. д. Очень важно для научной биографии Достоевского и приложение, в котором опубликованы новые архивные документы.

Во второй главе «Даровое в это-документах семьи Достоевских. Опыт реконструкции» (Т. Н. Дементьева, И. А. Боголюбская, Д. А. Сабирова) анализируются различные документальные источники, рассказывающие о жизни семьи Достоевских в Даровом. Например, сравнивая книгу В. С. Нечаевой [Нечаева] (1939) и «Воспоминания» А. М. Достоевского [Достоевский], авторы подчеркивают, как по-разному представляют авторы жизнь Достоевских в имении, их отношения с крестьянами, имущественное положение, даже окружающую имение природу. Вопреки мнению В. С. Нечаевой, которое утверждалось в науке, «Г. А. Федоров в своих работах реабилитирует не только отца Достоевского, но и Даровое — как “святыню для души” писателя» [Федоров: 192–193]. Воссоздается обстановка имения, показано наполнение будней, заботы хозяев, блюда, появлявшиеся на столе, распорядок дня, деревенский досуг, развлечения и занятия детей, круг их чтения и любимые книги, игры. Пишут авторы и о близких, теплых отношениях детей с крестьянами, показывают, какое значение в формировании мировоззрения Достоевского сыграла природа Дарового, «лесок Брыково», общение с крестьянскими детьми.

Авторам удалось убедительно опровергнуть ставшие расхожими утверждения о том, что имение в Даровом приносило только убытки и несчастья семье Достоевских, что супруги Достоевские (и особенно Михаил Андреевич)

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1983. Т. 25. С. 172.

были жестокими крепостниками, что окрестности Дарового были однообразными и невыразительными.

Убедительно и наглядно авторы показали, как впечатления, полученные Достоевским в детстве в Даровом, отклинулись в его произведениях.

«Ландшафт Дарового (по архивным документам и натурным исследованиям)» представлен в третьей главе монографии Л. А. Воронкиной. Автор группирует рассыпанные по различным произведениям и письмам Достоевского описания окрестностей Дарового. Чтобы восстановить тот исторический ландшафт, который открывался взору Достоевского, автор обращается к планам и атласам Каширского уезда, планам отдельных межевых дач, входивших в состав землевладения Достоевских, а также к «Экономическим примечаниям» и межевым делам, хранящимся в архивах Москвы и Тулы (РГАДА, ЦГА Москвы, ГАТО). Почти все текстовые документы относятся к концу XVIII в.

Используя различные упоминания в произведениях, письмах Достоевских, сравнивая различные описания, автор устанавливает, где находился «Брыков лес», знаменитая «Федина роща» и другие упоминаемые Достоевским знаковые для него места.

К тексту прилагаются планы пустошей, сел, фотографии ценных архивных документов с автографами Достоевских, сравнительные схемы имения и сел, планы дач Каширского уезда и другие иллюстративные подтверждающие документы.

Как показали разыскания автора, «ландшафт центрального усадебного ядра и прилегающей территории в большинстве своём хорошо сохранился и достаточно близок к 1840–1850-м гг. Сохранились речки и овраги, бывший Венёвский тракт (Серебряно-Прудское шоссе) и часть старых просёлочных дорог, в том числе фрагмент въездной аллеи, дорога на Моногарово, живописные холмы и лошины, леса и луговые пространства, обширные возделываемые поля» [Даровое Достоевского: 170].

И очень важно, что, несмотря на все утраты и некоторые ошибки в реставрации, в Даровом и его окрестностях продолжает сохраняться «неповторимый дух мемориальной усадьбы Достоевских» [Даровое Достоевского: 171].

Как полагает автор четвертой главы «Церковная жизнь семьи Достоевских (по материалам архива храма Сошествия Святого Духа в Моногарове)» А. С. Бессонова, «деревенские впечатления героев Достоевского — явный признак автобиографического начала в произведении, что говорит о силе и важности этих воспоминаний» [Даровое Достоевского: 173].

Жизнь семьи Достоевских была тесно связана со Свято-Духовским храмом в Моногарове. Автор прослеживает историю храма, выявляя тесные связи семьи Достоевских с храмом и священнослужителями. Излагает автор и интересную версию смерти отца писателя, связанную со священником Моногаровского храма. Очень интересны и значимы разыскания автора,

касающиеся не только легенды о гибели М. А. Достоевского, но и предания о месте его захоронения.

«Крестьянский мир Дарового» представлен А. С. Бессоновой, А. Ю. Козловой в пятой главе монографии. Церковную летопись, письма родителей, романы и публицистику Достоевского авторы рассматривают как некий гипертекст, обращение к которому наполняет «живой жизнью» ставшее «общим местом» утверждение, что в Даровом Достоевский постигал крестьянскую Россию [Даровое Достоевского: 217]. По церковной ведомости 1832 г. авторы восстанавливают имена друзей детских игр Достоевского, среди которых были в основном крестьянские дети. За счет множества незначительных деталей, которые становятся понятны только при взаимодействии с документальными источниками, авторы восстанавливают Даровской контекст романа «Братья Карамазовы» и утверждают, что «“впечатления детства”, нашедшие своё воплощение в творчестве Достоевского <...>, значительно глубже, чем прямые отсылки в именах персонажей, топонимах, сюжетных поворотах», что «языковой материал для “народных” эпизодов своих произведений Достоевский черпал не только на каторге. Яркие, характерные слова, выражения, фонетическая и грамматическая специфика народной речи могли непроизвольно врезаться в память, подобно Чермашне (не Черемошне!), о чем убедительно свидетельствует очень интересное и глубокое исследование языкового пространства Дарового, Моногарова и Черемошни [Даровое Достоевского: 223, 227].

«Деревенский круг знакомых семьи Достоевских в мемуарах, письмах, архивных документах» представлен А. С. Бессоновой в шестой главе. Особое внимание уделено семейству Хотянцевых, Николаю Павловичу Елагину, сыгравшему особую роль в жизни Достоевских, Александру Егоровичу Дружинину и другим знакомым Достоевских, имена, черты характеров и судьб которых отзываются в произведениях писателя.

В седьмой главе Г. С. Прохоров исследует «Смерть М. А. Достоевского в перекрёстном анализе архивных документов, семейных и фольклорных преданий». Автор справедливо указывает, что внимание к смерти М. А. Достоевского превышает в достоевковедении степень внимания к любому другому событию в жизни писателя. Автор отмечает, что «с естественно-научной точки зрения проблема смерти М. А. Достоевского никогда не ставилась», и замечает, что «с момента появления версии об убийстве последняя перестала быть просто фактом жизни семьи Достоевских (пусть даже глубоко травмирующим), превратившись в факт творческой биографии, призванный объяснить ряд особенностей художественного мира Ф. М. Достоевского» [Даровое Достоевского: 300].

Автор связывает историю мифа о смерти отца писателя со статьей Н. Михайловского «Жестокий талант» и желанием современников объяснить истоки «жестокости» писателя известием о смерти отца, спровоцировавшим появление эпилепсии.

Мемуарные свидетельства Л. Ф. Достоевской, по мнению автора, «существуют в состоянии принципиальной мультиверсивности», противоречат воспоминаниям А. М. Достоевского [Даровое Достоевского: 304].

Привлекая логические доводы, сопоставляя версии, прибегая к лингвистическому анализу текстов свидетельств, Г. С. Прохоров приходит к выводу, что выстроенные В. С. Нечаевой, Л. П. Гроссманом, антропологом и евгеником М. В. Волоцким версии «объединяют только отношение к смерти М. А. Достоевского как к всеоткрывающему ключу к творчеству Ф. М. Достоевского» [Даровое Достоевского: 308].

Рассматривая существующие мифические версии смерти (миф первый — психоаналитическая версия, миф второй — марксистская версия), автор анализирует происхождение этих мифов, их основу, показывая, что их происхождение связано с теми или иными мировоззренческими установками продуцирующих их ученых: «В 1920-е годы окончательно сложилась мифологема об убийстве М. А. Достоевского. Убийство должно было быть, потому что такой ход событий отвечал догматическим положениям фрейдизма и — парадоксальным образом одновременно — марксистско-ленинской классовой теории» [Даровое Достоевского: 314].

Вопреки имеющейся традиции, Г. С. Прохоров делает попытку «прочитать источники из разных эпох как полифоничные голоса из разных социальных групп и разных эпох», «вскрыть текстомоделирующую логику, которой руководствовались (и руководствуются ныне) авторы (и носители) источников, восстанавливает процессуальную и судебно-медицинскую практику первой половины XIX века, чтобы понять, как велось расследование» [Даровое Достоевского: 314]. Автор поясняет, как «сформировались и развились нарративы об убийстве М. А. Достоевского в Даровом и его окрестностях и почему эти нарративы всплыли на поверхность в 1920-е гг., а также почему мысль о насильственной смерти была воспринята семьёй умершего» [Даровое Достоевского: 314].

Исследователь идет двумя путями, определившими композицию исследования, которое делится на две части: «интерпретативную и документальную» [Даровое Достоевского: 314]. Впервые последовательно прочитаны «в контексте норм процессуального права и судебно-медицинских практик 1830–1840-х гг.» [Даровое Достоевского: 315] сохранившиеся от следствия материалы, выстроена хронология событий, рассмотрены процессуальные нормы в расследовании смерти М. А. Достоевского.

Исследователь показывает историко-социальные причины настойчивого повторения нарратива о насильственной смерти в разное время: «Таким образом, фольклорный сюжет о М. А. Достоевском, зародившийся в 1839 г. в кругу Хотяинцевых, сформировал популярную локальную традицию, которая продолжается в Даровом и окрестностях до сих пор, время от времени выплескиваясь в биографическую литературу о Достоевском, школьные учебники по литературе, Интернет. Сюжет подчиняется общим законам бытования фольклорного нарратива» [Даровое Достоевского: 366].

И хотя автор напрямую не высказывает свою точку зрения, по направленности и содержанию его исследования становится очевидно, что общепринятая версия смерти М. А. Достоевского как убийства крестьянами ненавистного жестокого помещика несостоятельна и имеет почти фольклорное, мифологическое происхождение и значение.

В восьмой главе монографии Ю. А. Зевалд представляет «Имение Достоевских второй половины XIX — начала XX вв. (по переписке семьи Ивановых)». Значимость такого исследования несомненна, ведь «жизнь провинциальной усадьбы — особое явление русской культуры, яркая иллюстрация той или иной эпохи и традиций, с нею связанных. Не является исключением и усадьба Достоевских Даровое» [Даровое Достоевского: 389]. А обширная переписка хозяев имения Ивановых «по-своему уникальна, поскольку здесь из отдельных бытовых подробностей складывается целостная картина жизни в усадьбе Достоевских во второй половине XIX — начале XX века» [Даровое Достоевского: 389].

Из переписки Ивановых мы узнаем об изменениях во внешнем облике усадьбы, о перипетиях жизни большого семейства, о разделе имения и появлении новых жилых и хозяйственных построек, о благоустройстве имения, о жизненном укладе семьи, семейных традициях, совместных праздниках, о ведении хозяйства, участии в продаже скота, мяса, урожая на ярмарках, о доходах с имения, о взаимоотношениях даровских помещиц с крестьянами, помощи нуждающимся, о материальных затруднениях хозяев, о частичной продаже имения и, наконец, о возникновении там музея. Перед нами интереснейшие подробности жизни дорогого сердцу писателя имения после его смерти.

В девятой главе В. А. Викторович предлагает совершить «Путешествие в Даровое» и показывает, как «семья и усадьба» отразились в жизни и творчестве Достоевского. Исследователь полагает, что «историко-генетическое постижение творческой личности» [Даровое Достоевского: 425] необходимо для того, чтобы составить более полное и глубокое представление о творчестве писателя.

Как отмечает В. А. Викторович, «активизировавшаяся в последнее время работа исследователей истории Дарового, отыскивающих по архивам следы той давно ушедшей жизни, в конечном итоге и должна открыть то “сцепление косвенных событий”, которое *воскресит* (по гениальному соображению Николая Фёдорова) так недостающие нам живые образы ранней биографии Достоевского, те “мелкие незаметности”, из которых складывалось лето его детства» [Даровое Достоевского: 427].

Как показывает автор, уже в рассказе «Мужик Марей» очевидно явлен «возвратный механизм человеческой жизни» [Даровое Достоевского: 428], а в художественном топосе Достоевского детские воспоминания возвращают нас к «Бедным людям», к «даровским» по своей генетике впечатлениям Вареньки. По-своему отзовутся они и в «Хозяйке», и в романе «Униженные

и Оскорбленные». В. А. Викторович показывает, как «неприметные» воспоминания детства воплощаются в пространственных и природных образах произведений писателя, как «через детские воспоминания героев чаще всего оттеняется “немое и глухое” пространство Петербурга» [Даровое Достоевского: 434] в «Преступлении и Наказании», как и открывшаяся перед Раскольниковым бесконечная библейская панорама, свидетельствующая об изменениях в душе героя в эпилоге. Как справедливо полагает В. А. Викторович, «подобным же образом Достоевский выведет Степана Трофимовича Верховенского из запертого бесами города на открытое пространство дороги. Более сложный, но столь же динамичный диалог пространств наблюдаем в “Братьях Карамазовых” — с внезапно открывающейся вертикалью (сон про “дитё” Дмитрия, “Кана Галилейская” Алексея)» [Даровое Достоевского: 434]. Даровое, по мнению исследователя, «подарило Достоевскому волнующий в своей “вертикали” пространственный образ России» [Даровое Достоевского: 434].

Обращаясь к июльско-августовскому «Дневнику Писателя» 1877 г., автор выдвигает и подтверждает своим исследованием гипотезу, что «весь этот выпуск — плод предпринятого нездолго, 20–21 июля, путешествия в Даровое», причем путешествия «не в географическом, а, так сказать, в ментальном смысле» [Даровое Достоевского: 435].

Как убедительно показывает автор, роман «Братья Карамазовы» тоже во многом воплощает в своей ткани не только детские воспоминания, но и впечатления и думы того же путешествия.

Исследование В. А. Викторовича представляет собою удивительный по-вествовательный сплав, основанный на документальных фактах и тончайшем филологическом анализе произведений Достоевского, что лучше всего убеждает в верности выдвинутых автором предположений о связи детских впечатлений со всем творчеством писателя.

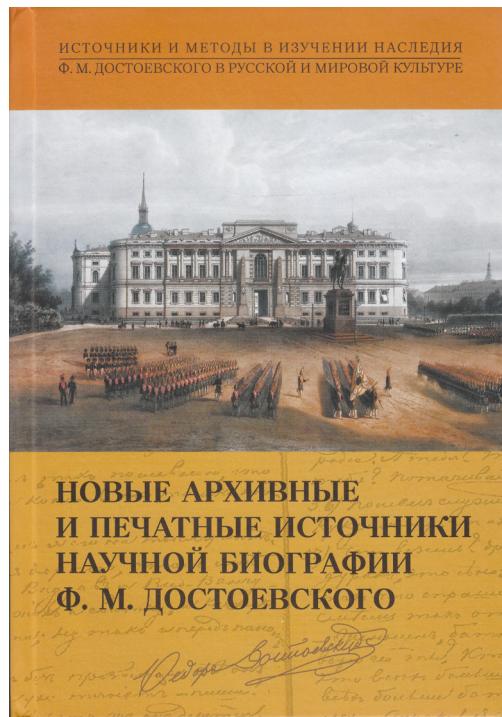
Последняя глава монографии — восстановленная по архивным документам «Летопись Дарового. ХХ — начало XXI вв.» (Т. Н. Дементьева, И. А. Богоявленская, Л. И. Максимова), в которой перед нами предстает увлекательная история превращения Дарового в музей и связанные с этим события в его судьбе.

Очень важно и значимо для современной науки, что исследование осуществлено с широким использованием не публиковавшихся ранее архивных материалов и привлечением редких печатных источников XIX в.

Коллективная монография «**Новые архивные и печатные источники научной биографии Ф. М. Достоевского**» под редакцией Б. Н. Тихомирова [Новые архивные и печатные источники] рассматривается авторами как «подготовительный этап предстоящей работы над полной научной биографией Ф. М. Достоевского» [Новые архивные и печатные источники: 3]. Монография посвящена малоизученным периодам жизни и творчества

писателя и подготовлена в рамках реализации проекта «Нерешенные вопросы научной биографии Ф. М. Достоевского: новые архивные и печатные источники», поддержанного грантом Российской фонда фундаментальных исследований (РФФИ). Важнейшей предпосылкой разработки этого масштабного и значимого для науки проекта является то, что «ни в отечественной, ни в мировой науке до сих пор нет полной научной биографии великого писателя, основанной на строго документальном фундаменте и построенной с учетом всей совокупности существующих печатных и архивных источников» [Новые архивные и печатные источники: 3].

Исследование Б. Н. Тихомирова «Когда родился отец Достоевского?» представляет собой «Опыт критического анализа и систематизации источников» [Новые архивные и печатные источники: 8]. Автор показывает, что в вопросе о дате рождения М. А. Достоевского царит разнобой и на протяжении без малого ста лет исследователи сталкиваются с этой проблемой. Б. Н. Тихомиров делает подробный обзор как имеющихся в распоряжении

Илл. 4. «Новые архивные и печатные источники научной биографии Ф. М. Достоевского». СПб., 2021

Fig. 4. “New Archival and Printed Sources of the Scientific Biography of F. M. Dostoevsky. St. Petersburg, 2021

исследователей разнородных материалов, так и различных их интерпретаций и приходит к выводу, что приводимые исследователями указания на год рождения М. А. Достоевского противоречат друг другу. Исследователь подвергает скрупулезному анализу и сопоставлению все имеющиеся на сегодняшний день источники и работы с указаниями на дату рождения отца писателя и приходит к выводу, что «твёрдых фактов, позволяющих однозначно установить год рождения М. А. Достоевского <...>, пока не обнаружено» [Новые архивные и печатные источники: 25]. И, как подытоживает Б. Н. Тихомиров свое исследование, верно заключение, сделанное десять лет назад Н. Н. Богдановым и А. И. Роговым, что вопрос о точной дате рождения М. А. Достоевского может быть решен «только после обнаружения записи о его крещении [Богданов, Роговой: 82]» [Новые архивные и печатные источники: 25].

В статье «“Сто четыре священные истории...” И. Гибнера в жизни и творческой работе Достоевского» Б. Н. Тихомиров и Н. А. Тихомирова отмечают, что книга И. Гибнера давно должна была привлечь внимание исследователей, так как, по воспоминаниям А. М. Достоевского, книга «Сто четыре Священных Истории Ветхого и Нового Завета» была первою книгой для чтения в семье Достоевских, по ней маленький Федя учился читать. Разыскав потом эту книгу, Достоевский берег ее «как Святыню» [Достоевский: 66], а старец Зосима сохранял «как драгоценную память»² [Новые архивные и печатные источники: 27–28].

Как замечают авторы, «парадоксальное невнимание исследователей к книге И. Гибнера выразилось и в том, что никто из специалистов по Достоевскому не обращался к содержанию “Ста четырех священных историй...”, не потрудился описать, какие же сюжеты Священного Писания были первыми, с которыми будущий писатель познакомился в самом раннем детстве (аспект биографический). Никто не ставил и вопроса об отражениях впечатлений Достоевского от книги И. Гибнера в его художественных произведениях» [Новые архивные и печатные источники: 29].

И именно этот комплекс проблем исследуют авторы в представленной статье, опровергая установленные представления о том, что в семье Достоевских было издание «последней трети XVIII — самого начала XIX в. в переводе с латинского языка, выполненному Матвеем Соколовым» [Новые архивные и печатные источники: 30]. Все они выходили без иллюстраций, а А. М. Достоевский в воспоминаниях упоминает об иллюстрациях из книги (Сотворения мира, Пребывания Адама и Евы в раю, Потопа и др.). Авторы сопоставляют известные в науке гипотезы, полемизируют с О. А. Дехановой [Деханова], скрупулезно анализируют упоминания о книге в воспоминаниях А. М. Достоевского и выдвигают гипотезу, что мемориальные «Сто четыре священные истории...» «были обнаружены Достоевским в семье его сестры Веры Михайловны Ивановой во время посещения писателем

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 14. С. 264.

в июле 1877 г. сельца Дарового в Каширском уезде Рязанской губернии, где подростком в 1830-е гг. в имении родителей он проводил летние месяцы» [Новые архивные и печатные источники: 32]. Восстанавливается и вся «линейка» изданий книги в переводе В. Богородского.

Авторы предполагают, что в семейной библиотеке Достоевских должен был быть перевод книги И. Гибнера, выполненный Василием Богородским. Установлено, что «экземпляр книги И. Гибнера 1815 года издания, находившийся в коллекции А. Г. Достоевской, ныне хранится в книжном фонде Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля» [Новые архивные и печатные источники: 38]. Но и это не стало последней точкой в исследовании проблемы. Выяснилось, что «в домашней коллекции А. Г. Достоевской находилось *два издания* “Ста четырех священных историй...” — 1815 и 1819 гг., и она какое-то время колебалась, какое из них передать в московский музей. В конечном счете к 1906 г. были переданы оба: издание 1815 года зарегистрировано в основном разделе Каталога, а 1819 года — в “Дополнении”. Однако — и это исключительно важно! — указание печатного Каталога на то, что “Сто четыре священные истории...” 1819 года поступили в коллекцию вдовы писателя “после составления указателя”, оказывается недостоверным» [Новые архивные и печатные источники: 39].

Сопоставляя два издания «Ста четырех священных историй...» (1815 и 1819), авторы решают вопрос, какая же из них является мемориальной, и для решения обращаются к проблеме отражения книги в работе Достоевского над романом «Братья Карамазовы», которая до сих пор не была поставлена в научной литературе. Установление того факта, что во время создания романа Достоевский обращался к книге Гибнера, позволяет внести существенные и очень ценные и важные дополнения в комментарий к роману, уточнить существующий академический комментарий, касающийся детского знакомства Достоевского с историей ветхозаветного многострадального Иова.

Скрупулезное изучение авторами проблемы о том, какое издание книги Гибнера в библиотеке Достоевского можно полагать мемориальным, приводит авторов к заключению, что установить это пока не представляется возможным, как и то, по какому конкретному тексту будущий писатель «учился читать». Но, несомненно, проведенные авторами изыскания помогут исследователям установить эти факты.

В статье Б. Н. Тихомирова «К проблеме генезиса “итальянской мечты” Достоевского Радклиф или псевдо-Радклиф?» рассматриваются проблемы детского чтения Достоевского. Писатель признавался, какое сильное впечатление произвели на него в юности произведения Анны Радклиф, сформировавшие у него мечту совершить путешествие по Италии, а персонажи ее книг (Альфонсы, Катарины, Лючии, доны Педро и донны Клары) буквально «въелись» в его голову [Новые архивные и печатные источники: 61]. Автор отмечает интереснейшую комментаторскую проблему: в романах

Радклиф, которые были переведены в России в начале XIX в., таких персонажей нет! Но «в европейской литературе, в том числе во французской и русской, на книжный рынок было выброшено множество романов и повестей, приписанных перу “славной г-жи Радклиф”» [Новые архивные и печатные источники: 64]. И потому, как замечает Б. Н. Тихомиров, «первый вывод, который можно сделать из сказанного: в родительском доме Достоевского в 1820–1830-е гг., наряду с произведениями самой Анны Радклиф, судя по всему, читались романы и повести псевдо-Радклиф, и этим можно попытаться объяснить упоминание писателем Альфонсов, Катарин, Лючий и дон Педров, отсутствующих в четырех указанных выше подлинных произведениях английской романистики» [Новые архивные и печатные источники: 65].

В результате просмотра каталогов ведущих российских библиотек и Сводного каталога русской книги 1801–1825 гг., автору удалось составить полный список книг романов и повестей, которые были изданы в России «под фирмой» г-жи Радклиф. Отмечается, что псевдорадклифiana представляет собой «очень пестрое явление — от вполне добротных образцов готического или авантюрного романа предромантической эпохи до откровенных литературных спекуляций» [Новые архивные и печатные источники: 67].

Б. Н. Тихомиров предлагает краткий генезис этого любопытного историко-культурного явления. Автор представляет интереснейший обзор романов, пытаясь установить, каким образом, в результате каких ассоциаций и аберраций имена и реалии романов повлияли на творческое сознание Достоевского, а также прослеживает генезис его «итальянской мечты», полагая, что в этом плане особый интерес представляет роман псевдорадклифiana «Видения в Пиренейском замке».

В статье Б. Н. Тихомирова и Е. Д. Маскевич «Из юных лет Михаила и Федора Достоевских. Новые архивные материалы 1837–1839 гг.» в научный оборот вводятся «архивные документы из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, Москва), дающие дополнительный материал к построению научной биографии братьев Михаила и Федора Достоевских в один из самых малоизученных периодов — 1837–1839 гг.» [Новые архивные и печатные источники: 81]. Авторы комментируют хранящиеся в двух фондах Российского государственного военно-исторического архива документы, которые еще не введены в научный оборот и содержат дополнительную информацию, касающуюся как обстоятельств зачисления на службу в январе 1837 г. М. М. Достоевского, так и первых лет обучения Ф. М. Достоевского в Главном инженерном училище.

В статье представлены комментарии к документам из дела М. М. Достоевского, хранящиеся среди бумаг канцелярии директора Инженерного департамента и документы делопроизводства ГИУ. Опубликованы интереснейшие и очень важные документы, свидетельствующие не только о перипетиях судьбы братьев Достоевских, но и о некоторых особенностях функционирования государственной и образовательной системы того времени.

Особый интерес представляют документы, касающиеся обучения Ф. М. Достоевского в Главном инженерном училище. Довольно скудные сведения об этом периоде жизни Достоевского восполнены в комментариях «по печатным источникам эпохи, иной справочной и биографической литературе и создают в результате более объемную и конкретную картину, нежели та, которая существовала в исследованиях жизни писателя до настоящего времени» [Новые архивные и печатные источники: 91].

Исследователи представляют скрупулезный анализ «Учебного отчета Главного инженерного училища» за курс 1838 г. — «первого года пребывания Достоевского в привилегированном военном учебном заведении» [Новые архивные и печатные источники: 91] — и вносят немало новых деталей, по сравнению с предшественниками, обращавшимися к составу дисциплин, преподававшихся в училище. Представляя содержание курсов, изучавшуюся воспитанниками литературу, авторы обращают внимание на то, что могло повлиять на творческое сознание писателя, сформировать его представления о мире, а это очень важно для достоевистики. Написав о педагогах, которых Достоевский упоминал в своем эпистолярии, Б. Н. Тихомиров и Е. Д. Маскевич отмечают ошибки, допущенные предшественниками в указании сведений о некоторых из них. Исследователям удалось установить некоторые сведения о педагогах, указанных в «Отчете...», но не упоминавшихся в достоевистике (инженер-полковник Лука Лукич Герман, учитель французского Николай Иванович Фавр, Федор Иванович (Людвиг Теодор) Эльснер, Федор Шведе, проводивший занятия по рисованию); значительно дополнены и скорректированы сведения о других педагогах.

Авторы устанавливают «имена 20 педагогов, как штатных, так и привлеченных репетиторов, которые входили в экзаменационную комиссию, принимавшую у Достоевского годовой экзамен за учебный курс 1839 г. Имена семерых из них также вводятся в научный оборот впервые. В отношении еще двух исправлены фактические ошибки. Биографические данные об остальных уточнены и дополнены» [Новые архивные и печатные источники: 117].

Опубликованные в статье документы содержат новые данные, «позволяющие сформировать более объемное представление об учебном процессе в Главном инженерном училище в период 1838–1839 гг.» [Новые архивные и печатные источники: 116], довольно убедительно перечислены причины, почему Достоевский был оставлен на второй год. Впервые «представлены все 19 педагогов, чьи лекции в этот период слушал Достоевский. Имена восьмерых из них вводятся в научный оборот впервые» [Новые архивные и печатные источники: 116]. Многие материалы печатных источников, которыми комментируются архивные данные, также вводятся в научный оборот впервые.

Публикация Б. Н. Тихомирова «Я, нижепоименованный Федор Достоевский... Присяга на верность службы 20 августа 1841 года» содержит «архивный документ, занимающий особое место в биографии Ф. М. Достоевского.

Это датированный 20 августа 1841 г. так называемый “присяжный лист”, содержащий “Клятвенное обещание” [Новые архивные и печатные источники: 120]. Под ним стоит подпись Достоевского, и, как справедливо полагает исследователь, «“Клятвенное обещание” должно быть включено в корпус текстов Достоевского, напечатанных в академическом собрании сочинений писателя, а настоящая публикация — рассматриваться как *дополнение* к разделу “Официальные письма и деловые бумаги”» [Новые архивные и печатные источники: 122].

Важность документа обусловлена тем, что он «позволяет уточнить круг общения Достоевского в период обучения в Главном инженерном училище» [Новые архивные и печатные источники: 125], и поэтому Б. Н. Тихомиров приводит краткие биографические справки, используя как известные, так и новые источники, что позволяет рассматривать их как цельные словарные статьи, предназначенные для будущего дополненного издания энциклопедического словаря «Ф. М. Достоевский и его окружение». Указывает исследователь и на новое лицо из окружения Достоевского, которым оказывается «приводивший молодых офицеров к присяге священник церкви Михаила Архангела при Главном инженерном училище Гавриил Игнатьевич Розов (ок. 1805–1874), уроженец Олонецкой губернии» [Новые архивные и печатные источники: 129]. Б. Н. Тихомиров представляет краткую биографию священника, расширяя представления о круге общения Достоевского.

В статье Б. Н. Тихомирова и Е. Д. Маскевич «Достоевский в чертежной Инженерного департамента» публикуются новые данные к биографии Ф. М. Достоевского 1843–1844 гг. Исследователи заполняют «белое пятно» в том периоде биографии писателя, когда он «после окончания Главного инженерного училища был зачислен в С.-Петербургскую Инженерную команду “для употребления при Чертежной Инженерного департамента”» [Новые архивные и печатные источники: 134]. «Хранящийся в фондах Российского государственного военно-исторического архива Кондуитный список господ штаб- и обер-офицеров полевых инженеров, числящихся при С.-Петербургской Инженерной команде и находящихся при Чертежной Инженерного департамента (ежегодный документ, составлявшийся в военном ведомстве до начала 1860-х гг., в котором отмечались как формулярные данные, так и сведения о поведении, умственных способностях и т. п. офицеров того или иного подразделения), позволяет ввести в научный оборот данные о пятнадцати сослуживцах Достоевского. Прокомментированные с привлечением печатных источников эпохи, а также иных биографических справочников, данные Кондуитного списка существенно расширяют представление об окружении писателя в 1843–1844 гг.» [Новые архивные и печатные источники: 134]. Впервые введенный в научный оборот документ позволяет «хотя бы с одной стороны осветить внешние обстоятельства службы писателя в течение года между окончанием ГИУ и выходом в отставку и поставить на твердую документальную основу вопрос об окружении

Достоевского в Чертежной Инженерного департамента, о чём до настоящего времени у биографов писателя не было никаких данных» [Новые архивные и печатные источники: 136].

Опираясь на этот документ, исследователи систематизировали сведения обо всех «полевых инженерах», сослуживцах Достоевского в 1843–1844 гг. Документ позволил авторам статьи ввести в научный оборот данные о пятнадцати сослуживцах Достоевского. Как справедливо полагают исследователи, «прокомментированные с привлечением печатных источников эпохи, а также иных биографических справочников данные Кондуитного списка существенно расширяют представление об окружении писателя в 1843–1844 гг.» [Новые архивные и печатные источники: 134].

Статья Б. Н. Тихомирова «Стихотворное “Послание Белинского к Достоевскому”. Итоги и проблемы изучения» «посвящена комплексному рассмотрению проблем изучения стихотворного “Послания Белинского к Достоевскому” (“Витязь горестной фигуры...”) — пародийного текста, дошедшего до нашего времени лишь в списках разной степени авторитетности и без твердого указания его авторов» [Новые архивные и печатные источники: 150]. Б. Н. Тихомиров обобщает и анализирует существовавшие прежде исследовательские подходы к проблемам источников, авторства и датировки стихотворения.

Автор обращается к работе В. Н. Захарова [Захаров] о генезисе и форме бытования «анекдотика с каймой» — известного биографического мифа о Достоевском. Указывает, что в этой статье содержится наиболее основательное и полное в отечественной науке освещение различных аспектов изучения стихотворного «Послания Белинского к Достоевскому», и предлагаёт несколько иную историю текста этого сатирического стихотворения.

Новые наблюдения позволяют автору подтвердить высказанное В. Н. Захаровым предположение об участии в создании этого коллективного произведения, наряду с Тургеневым и Некрасовым, Ивана Панаева. В отличие от представленного В. Н. Захаровым «линейного» творческого процесса создания стихотворения, Б. Н. Тихомиров выдвигает гипотезу «о двух разнесенных во времени этапах творческой работы соавторов над текстом произведения, иначе говоря — о двух редакциях стихотворения: ранней, краткой, и окончательной, пространной» [Новые архивные и печатные источники: 156].

Глубокий анализ архитектоники и ряда содержательных элементов текста стихотворения подтверждает эту гипотезу. В свете этой гипотезы, привлекая широкий биографический и творческий контекст, автор уточняет и подходит к решению проблемы его датировки. Но, как замечает автор, «для окончательного решения проблем авторства и более точной датировки “Послания...”, а также истории текста стихотворения необходим поиск новых источников. На сегодняшний день ответы на данные вопросы в определенной степени имеют характер мотивированных гипотез» [Новые источники: 167].

В статье Б. Н. Тихомирова и Е. Д. Маскевич «Петрашевцы после Семеновского плаца. Комендант Набоков и император Николай I. Новые штрихи к биографии Михаила и Федора Достоевских» в научный оборот вводятся новые документы, «обнаруженные авторами в Российском государственном историческом архиве, которые содержатся в фонде Управления коменданта Санкт-Петербургской крепости, в деле “Об арестантах, бывших под следствием за злоумышление в 1849 году”» [Новые архивные и печатные источники: 169]. Благодаря найденным документам авторы устанавливают перипетии ареста Андрея и Михаила Достоевских по делу петрашевцев, а также новые обстоятельства, при которых отправляемым на каторгу арестантам было разрешено свидание с родными, а Ф. М. Достоевскому — с братом Михаилом и Милюковым. В статье «публикуются документы, раскрывающие обстоятельства, предшествовавшие свиданию братьев Достоевских 24 декабря 1849 г., перед отправкой Федора в Сибирь, в котором первоначально им было отказано. Это ходатайство коменданта Петропавловской крепости Набокова, направленное на имя Военного министра, с просьбой разрешить родственникам петрашевцев свидания с ними перед отправкой в места отбывания наказаний, а также последовавшее после всеподданнейшего доклада министра Всемилостивейшее разрешение на сей счет Николая I» [Новые архивные и печатные источники: 169].

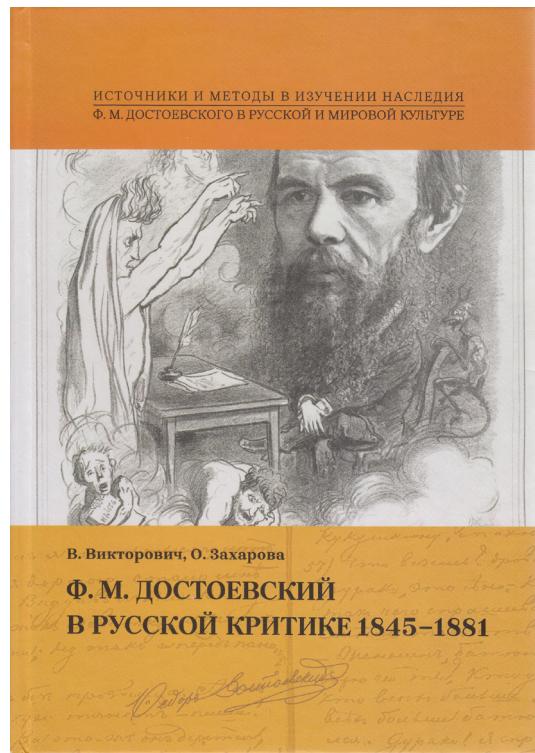
Второй блок обнаруженных документов из дела № 156 проливает свет на участие императора Николая I в судьбах петрашевцев после «трагического фарса» на Семеновском плацу. Вводятся в научный оборот «документы, знакомящие с инициативой императора о выплатах денежных вспоможений семьям осужденных петрашевцев, а также семейным и многодетным петрашевцам, привлеченным к дознанию и временно заключенным в крепости» [Новые архивные и печатные источники: 169]. Изучение документов позволило исследователям снять подозрения с М. М. Достоевского о его якобы «некромном поведении» на следствии и о том, что он выступил на нем в «роли Иуды Искариотского», на что «с нажимом» намекали А. С. Долинин и особенно Л. П. Гроссман [Новые архивные и печатные источники: 187].

В третьем разделе статьи публикуются документы из дела № 156, которые, как замечают авторы, обозначают серьезную биографическую проблему. Это «квитанция, выданная “преступнику Достоевскому”, согласно которой у него при этапировании отобраны 100 рублей собственных денег, а также документ, подтверждающий получение этой суммы в Тобольском приказе о ссыльных» [Новые архивные и печатные источники: 169]. Рассмотрев вопрос о происхождении и дальнейшей судьбе этих денег, авторы заключают, что это одно из «темных мест» биографии Ф. М. Достоевского [Новые архивные и печатные источники: 196].

В приложении к книге помещена первая полная публикация по автографу воспоминаний А. Е. Ризенкампфа о юношеских годах Достоевского, с которым он состоял в дружеских отношениях с 1838 по 1844 гг.

Архивные данные статей монографии прокомментированы материалами печатных источников эпохи, большую частью также вводимыми в научный оборот впервые. Книга представляет собой очень ценный и весомый вклад в научную биографию Достоевского. Казалось бы, некоторые разыскания заканчиваются «ничем», то есть не дают ответа на поставленные вопросы. Но это только видимость. Каждое исследование приближает нас к истине, и, исключая уже пройденные, указывает новые пути дальнейших поисков и решений.

В монографии В. А. Викторовича и О. В. Захаровой «**Достоевский в русской критике. 1845–1881**» [Викторович, Захарова] представлен обзор критических высказываний о Ф. М. Достоевском, появившихся в русской печати 1845–1881 гг., причем многие публикации впервые вводятся в научный оборот, так как были обнаружены в процессе исследования.

Илл. 5. «Достоевский в русской критике. 1845–1881». Коломна, 2021
Fig. 5. “F. M. Dostoevsky in Russian Criticism. 1845–1881”. Kolomna, 2021

Обращает на себя внимание оглавление книги. Оно весьма своеобразно, особенно для академической науки. Авторы не просто сухо называют источники, но как бы фиксируют в названии главок проблематику, своеобразие, специфику восприятия современниками произведений Достоевского. Например:

- Молва и слава. Первые упоминания в печати.
 - Дебют с триумфом и скандалом.
- Кто первый назвал Достоевского гением? Провокация Белинского и состязание писательских амбиций.

Или:

- Критики привыкают писать о Достоевском: «Господин Прохарчин», «Роман в девяти письмах», «Хозяйка», «Слабое сердце», «Белые ночи», «Неточка Незванова». В. Майков о вреде критики.
- Проблема жанра. Неразличение повести и романа в критике сороковых годов.

Или:

- «Записки из Мертвого дома» как «фурор» Достоевского. Почему не удалось сострить Н. Щедрину?
 - Неудачи и беды журнала «Эпоха». Почему никто из критиков не откликнулся на «Записки из подполья»?
- «Крокодил» в подаче «Голоса»: как сплетня становится фактом.

Или:

- Роман «Бесы» и растерявшиеся читатели.
- Журналистика, поднявшаяся на защиту молодого поколения.

Или:

- Роман «Подросток». Затруднения Загуляева, эстетическое охранительство Авсеенко, рецензия Кущевского как автобиографический жанр.
- Радости и огорчения Скабичевского. Есть ли у народа идеалы? Страхи Лароша и улыбчивого одессита. Неадекватное прочтение Достоевского vs его растущий авторитет.

Или:

- «Братья Карамазовы» и проблема деревянного масла. Атрибутированный Ларош. Вышедшие из терпения Чуйко и Корш. Протопопов, учащий Достоевского уважать человека. Боборыкин как посланник Золя.
- Критика на страже читательского комфорта. Буренин, опережающий лингвистические теории XX века. Южный позитивист о романе. Поэма «Великий инквизитор» как пробный камень русской критики.

- «Дневник писателя» 1880 г. «Юродивый мистик» и «проповедник смирения». Единение радикальной и либеральной критики. Концептуальные прения «мальчика в штанах» и «мальчика без штанов». К. Д. Кавелин «в лаборатории строгой и точной науки».

Или уже серьезно, но тем не менее интересно и познавательно:

- Новый раскол в нигилистах. «Жестокий талант» по Михайловскому против «жизненных интересов» по Ткачеву. Фирменная нетерпимость Антоновича и награда ему от Буренина.
- Достоевский в церковной критике. Смерть писателя, открывшая шлюзы духовного красноречия. Мотив жизненного подвижничества. Выход за пределы эстетики в область нравственного богословия.

Столь же информативны и оригинальны названия глав:

Глава 1. 1845–1849. «Новый Гоголь явился».

Глава 2. 1850–1865. Возвращение. Журнализм как «новое слово».

Глава 3. 1866–1870. Откровения новой русской прозы.

Глава 4. 1871–1874. В зоне турбулентности.

Глава 5. 1875–1878. Трудный путь к читателю.

Глава 6. 1879–1880. Споры на вершине.

Глава 7. 1881. Кануны.

Читаешь это оглавление, и возникает желание посмотреть, что же там написали критики и журналисты? Авторы не просто создали оглавление, они направляют читательское внимание, провоцируют читательский интерес, выявляют в критике основные направления и пафос. Оглавление как бы стилизовано под традицию журналистики XIX в., стремившейся в заглавии представить читателю основное содержание и направленность произведения.

Столь же познавательно и информативно содержание глав. Исследуя отзывы критики о произведениях Достоевского, авторы монографии не просто цитируют произведения, они анализируют их в контексте современных представлений о произведениях Достоевского и умеют при этом не разрушить концепцию критика, не оценивают ее, а представляют в контексте важнейших вопросов. Например, в главе об отзывах о «Бедных людях» авторы отвечают на поставленные ими вопросы: «Как критики оценивали значение романа “Бедные люди”? Какое место отводили ему в литературном процессе? Рассматривали ли Достоевского как продолжателя традиций Гоголя? Как понимали концепцию героя в дебютном произведении писателя? Заметили ли критики открытие Достоевским своего антропологического принципа в литературе?» [Викторович, Захарова: 26].

Особенно важно и значимо для исследователя творчества Достоевского, что авторы монографии приводят и отзывы Достоевского на критические замечания, которые они обнаружили в письмах, записных тетрадях, дневниках писателя, представляя таким образом глубину авторской рефлексии и самоинтерпретации.

В книге представлены не просто критические отклики, но показана динамика функционирования произведений писателя в критике, а полемика в критике представлена как интереснейший процесс осмыслиения и презентации в современной культурной парадигме произведений Достоевского.

Авторы вводят читателя в литературную атмосферу, в которой существовал писатель, как бы погружая нас в голоса эпохи, в суждения, мнения, которые слышал, читал, на которые откликался Достоевский и которые, несомненно, влияли на творческий процесс писателя.

В новом свете представлена борьба Ап. Григорьева за возвращение Достоевского в литературу после каторги. Мы узнаем также, какие приемы или способы обхода цензуры использовал А. Григорьев, чтобы публика помнила о Достоевском в период его пребывания в Сибири. Например, в найденном авторами цензурном экземпляре статьи, на верстке которой стоит разрешение цензора И. И. Бессомыкина на ее публикацию от 11 октября 1855 г., фамилии главных героев искажены: «г. Прохаргин» и «г. Голявкин»: «Очевидно, что ошибки сделаны намеренно, — замечает О. В. Захарова, — так, чтобы можно было выдать их за опечатки, так как после цензурного разрешения дозволялось исправлять только опечатки. «Ошибки» были исправлены, и в журнальном варианте статьи приведены правильные имена героев Достоевского» [Викторович, Захарова: 79].

Авторы монографии систематизируют критические статьи и высказывания о романах Достоевского, концептуально выстраивают систему трактовок романов в их последовательности, преемственности или полемике.

В книге представлен очень емкий, глубокий и скрупулезный анализ осмыслиения критикой таких произведений Достоевского, как «Бедные люди», «Господин Прохарчин», «Роман в девяти письмах», «Хозяйка», «Слабое сердце», «Белые ночи», «Неточка Незванова», «Записки из Мертвого Дома», «Униженные и Оскорбленные», «Преступление и Наказание», «Идиот», «Подросток», «Вечный муж», «Бесы», «Братья Карамазовы».

Огромный интерес представляет исследование рецепции в критике религиозной проблематики поэмы о Великом инквизиторе, споров о «неканоничности» религиозных мотивов романа. В. А. Викторович показывает, какой «серьезной проверкой для оппонирующей Достоевскому критики стала глава “Великий инквизитор”. Шедевр художественного и философского творчества, которому суждено было открыть новые горизонты в истории мировой культуры» [Викторович, Захарова: 413–414].

Объемная картина споров вокруг знаковой главы представлена в оценках, данных В. А. Викторовичем, критическим статьям Е. Э. Карташова, А. С. Хомякова, А. А. Кириллова, специалиста по нравственному богословию С. Д. Левитского, критика-богослова о. Александра Иванцова-Платонова, К. Н. Леонтьева, И. Н. Павлова, в суждениях Е. Ф. Тютчевой и К. П. Победоносцева. Представив и проанализировав все направления в критике романа, В. А. Викторович остроумно замечает: «Оказавшись уже на вершине, возведенной художником и мыслителем, его оппоненты всё еще вели

спор о самом существовании этой вершины. Нигилистическая критика (Корш, Боборыкин) и здесь находила разные способы остракизма, уподобляясь известной Моське, но надо заметить, что это уже не был стройный хор голосов, как раньше, во времена “Бесов” и “Гражданина”, когда “заяла вся свора прогресса”, по выражению Аполлона Майкова. Потерялась слаженность ансамбля (“своры”), из него выпадали голоса, однозначного перешедшие “на другую сторону” (Буренин, Сычевский) и присоединившиеся к тем, кто утверждал, что следует не столько спорить с гением, сколько изучать его явление и природу (Загуляев). Были и те, кто искал примирительной золотой середины: “с одной стороны” — “с другой стороны” (Марков). Те же, кто остались враждовать с Достоевским, но не могли не признать его гениальность, теперь должны были окончательно развести хорошего художника и плохого мыслителя (Скабичевский, Ларош, Протопопов, Ярош) [Викторович, Захарова: 413].

Как отмечает В. А. Викторович, “Пушкинская речь” Ф. М. Достоевского, сказанная 8 июня 1880 г. на открытом заседании Общества любителей российской словесности в зале московского Благородного собрания, сразу же стала объектом беспрецедентного внимания множества средств массовой информации, газет и журналов» [Викторович, Захарова: 423]. И хотя отклики на речь Достоевского исследовались в достоевистике, в настоящее время действительно «назрела необходимость как расширения источниковой базы вплоть до включения в нее всех печатных отзывов, так и системного их анализа» [Викторович, Захарова: 424].

Систематизируя известные и вновь открытые отклики на речь, В. А. Викторович выстраивает их в логической поэтапной последовательности: 1) от момента произнесения до публикации в «Московских Ведомостях»; 2) от газетной публикации до выхода «Дневника Писателя» 1880 г.; 3) после выхода «Дневника Писателя».

Представляя критические отзывы, В. А. Викторович дает им объективную, соответствующую современным представлениям оценку. Например: «...скоро в спорах о “Пушкинской речи” он (как предполагает В. А. Викторович, — критик Э. К. Ватсон. — О. Ю.), дорастет до прямых оскорблений “запродавшегося” автора “Записок из Мертвого Дома”. Подобный шаг при обострении идейной борьбы делается почти незаметно, на него толкает соблазн легкой победы над идейным противником» [Викторович, Захарова: 428–429].

Рассматривая отклики на Пушкинскую речь, автор затрагивает очень важную и для современной науки полемику по поводу обвинения Достоевского в «мессианстве» и утверждении «избранности русского народа», ведь и сегодня много «искренне убежденных», что «Пушкинская речь» несла в себе «фальшь», заключающуюся «в опасном, имевшем катастрофическое продолжение в европейской истории возведении русских в ранг всечеловеков» [Ребель: 274]: «Это был сильный ход — обвинение в мессианизме. Услышанное или

как-то вычитанное “избранный Богом народ” (опять же в предательских кавычках) — вольный перевод слов Достоевского “назначение”, “удел”, “предназначено”³. Также и в телеграммах и первых корреспонденциях ничего не было об “избранности”, это уже **прибавка** либеральной газеты, имевшая, впрочем, продолжение: и до сих пор в литературе о “Пушкинской речи” неутомно муссируется ее “messianism” [Викторович, Захарова: 429].

В. А. Викторовичем и О. Н. Захаровой проделана огромная работа по изучению печатных изданий эпохи Достоевского, писем, записок Достоевского, воспоминаний современников, что создает полную картину реакции читателей и критиков на произведения писателя, помогает глубже вникнуть в важные коллизии его произведений через восприятие их современниками, через различные точки зрения. В научный оборот впервые введены многие статьи и отклики, которые помогают воссоздать полную картину критического осмысления и художественного функционирования произведений великого писателя. Многие статьи и печатные отзывы впервые атрибутированы и введены в научный оборот. Думается, что книга станет очень важным подспорьем исследователям творчества Достоевского, так как в ней представлен не только глубокий анализ критических отзывов о произведениях писателя, но и предлагаются интереснейшие, современные трактовки его произведений.

Представленные в обзоре книги действительно являются новым словом в достоевистике. Новые архивные и рукописные материалы, открытые исследователями, проанализированные ими исторические источники, впервые введенные в научный оборот, будут способствовать дальнейшему развитию науки о Достоевском, созданию его современной научной биографии, откроют для литературоведов новые и глубокие смысловые нюансы в произведениях великого писателя.

Список литературы

1. Андрианова И. С. Современное состояние рукописного фонда Ф. М. Достоевского // Рукописное наследие Ф. М. Достоевского. СПб.: РХГА, 2021. С. 7–32.
2. Богданов Н. Н., Роговой А. И. Кто вы — Андрей Достоевский? (К прояснению биографии деда писателя) // Достоевский и мировая культура: альманах. СПб.; М.: Серебряный век, 2004. № 20. С. 277–294.
3. Викторович В. А., Захарова О. В. Ф. М. Достоевский в русской критике. 1845–1881. Коломна: Лига, 2021. 536 с.
4. Даровое Достоевского: материалы и исследования / под ред. А. С. Бессоновой. Коломна: Лига, 2021. 544 с.
5. Деханова О. А. История о книге с иллюстрациями: «Первая книга для чтения» в семье Достоевских // Достоевский и мировая культура: альманах. СПб.: Серебряный век, 2018. № 36. С. 9–18.

³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 26. С. 148.

6. Достоевский А. М. Из «Воспоминаний» // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников / сост. и коммент. К. Тюнькина. М.: Худож. лит., 1990. Т. 1. С. 29–162.
7. Захаров В. Н. По поводу одного мифа о Достоевском // Север. 1985. № 11. С. 113–120.
8. Неизвестные и малоизвестные источники биографии Ф. М. Достоевского в собрании Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля: коллективная монография / П. Е. Фокин, А. В. Петрова, Е. М. Варенцова [и др.]. СПб.: Росток, 2021. 448 с.
9. Нечаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских: письма М. А. и М. Ф. Достоевских. М.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1939. 158 с.
10. Новые архивные и печатные источники научной биографии Ф. М. Достоевского: коллективная монография / Е. Д. Маскевич, Б. Н. Тихомиров, Н. А. Тихомирова; отв. ред. Б. Н. Тихомиров. СПб.: РХГА, 2021. 260 с.
11. Описание рукописей Ф. М. Достоевского / под ред. В. С. Нечаевой. М.: [Б. и.], 1957. 588 с.
12. Ребель Г. М. Учитель или Пророк? Тексты Пушкинского праздника // Ребель Г. М. Тургенев в русской культуре. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 264–274.
13. Рукописное наследие Ф. М. Достоевского / отв. ред. И. С. Андрианова; сост. Л. В. Алексеева, И. С. Андрианова, Е. Н. Вяль, М. В. Заваркина, Т. В. Панюкова, О. А. Сосновская, Б. Н. Тихомиров. СПб.: РХГА, 2021. 560 с.
14. Федоров Г. А. Московский мир Достоевского: из истории русской художественной культуры XX века. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 154–193.

References

1. Andrianova I. S. The Current State of the Manuscript Fund of F. M. Dostoevsky. In: *Rukopisnoe nasledie F. M. Dostoevskogo [The Handwritten Legacy of F. M. Dostoevsky]*. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 202, pp. 7–32. (In Russ.)
2. Bogdanov N. N., Rogovoy A. I. Who Are You — Andrey Dostoevsky? (To Clarify the Biography of the Writer's Grandfather). In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh [Dostoevsky and World Culture: Almanac]*. St. Petersburg, Moscow, Serebryanyy vek Publ., 2004, no. 20, pp. 277–294. (In Russ.)
3. Viktorovich V. A., Zakharova O. V. F. M. Dostoevskiy v russkoy kritike. 1845–1881 [Dostoevsky in Russian Criticism. 1845–1881]. Kolomna, Liga Publ., 2021. 536 p. (In Russ.)
4. *Darovoe Dostoevskogo: materialy i issledovaniya [Dostoevsky's Darovoe. Materials and Research]*. Kolomna, Liga Publ., 2021. 544 p. (In Russ.)
5. Dekhanova O. A. The Story of the Book with Illustrations: “The First Book to Read” in the Dostoevsky Family. In: *Dostoevskiy i mirovaya kul'tura: al'manakh [Dostoevsky and World Culture: Almanac]*. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2018, no. 36, pp. 9–18. (In Russ.)
6. Dostoevskiy A. M. From “Memories”. In: *F. M. Dostoevskiy v vospominaniyakh sovremennikov [F. M. Dostoevsky in the Memoirs of His Contemporaries]*. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990, vol. 1, pp. 29–162. (In Russ.)
7. Zakharov V. N. About a Myth About Dostoevsky. In: *Sever*, 1985, no. 11, pp. 113–120. (In Russ.)
8. *Neizvestnye i maloizvestnye istochniki biografi F. M. Dostoevskogo v sobranii Gosudarstvennogo muzeya istorii rossiyskoy literatury imeni V. I. Dalya [Unknown and Little-Known Sources of the Biography of F. M. Dostoevsky in the Collection of the State Museum of the History of Russian Literature Named After V. I. Dahl]*. St. Petersburg, Rostok Publ., 2021. 448 p. (In Russ.)

9. Nechaeva V. S. *V sem'e i usad'be Dostoevskikh: pis'ma M. A. i M. F. Dostoevskikh* [In the Dostoevsky Family and Estate: Letters of Mikhail A. and Fedor M. Dostoevsky]. Moscow, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomiceskoe izdatel'stvo Publ., 1939. 158 p. (In Russ.)
10. *Novye arkhivnye i pechatnye istochniki nauchnoy biografii F. M. Dostoevskogo* [New Archival and Printed Sources of the Scientific Biography of F. M. Dostoevsky]. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2021. 260 p. (In Russ.)
11. *Opisanie rukopisey F. M. Dostoevskogo* [The Description of Fedor Dostoevsky's Manuscripts]. Moscow, 1957. 588 p. (In Russ.)
12. Rebel' G. M. Teacher or Prophet? Texts of the Pushkin Holiday. In: *Rebel' G. M. Turgenev v russkoy kul'ture* [Rebel G. M. Turgenev in Russian Culture]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2018, pp. 264–274. (In Russ.)
13. *Rukopisnoe nasledie F. M. Dostoevskogo* [The Handwritten Legacy of F. M. Dostoevsky]. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the humanities Publ., 2021. 560 p. (In Russ.)
14. Fedorov G. A. *Moskovskiy mir Dostoevskogo: iz istorii russkoy khudozhestvennoy kul'tury XX veka* [The Moscow World of Dostoevsky: From the History of Russian Art Culture of the 20th Century]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004, pp. 154–193. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Юрьева Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет» 664075, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8424-4202>; e-mail: yuolyu@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 25.12.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.01.2022

Принята к публикации / Accepted 01.02.2022

Дата публикации / Date of publication 02.04.2022